

и погибающих; не помощникомъ въ этой безсмысленной вознѣ, не участникомъ въ ней долженъ быть человѣкъ;—человѣкъ, какъ существо разумное и чувствующее, прежде всего долженъ понять, уразумѣть, разсудить, что создаетъ эту сумятицу, этотъ невообразимый грохотъ, плачь и скрежетъ зубовой, изучить порождающія все это силы, взять ихъ въ свои руки, и тогда создавать, творить жизнь, которая для своего созданія ни ломки, ни разрушенія не потребуешь, не будетъ сопровождаться плачемъ и страданіями. Для созиданія жизни не нужно будетъ возбуждать въ людяхъ гнѣвъ, ненависть, стыдъ, отвращеніе, злое отчаяніе, эти рычаги разрушенія, „рычаги которыми можно разрушить все на землѣ“ говорить Горькій; не нужно будетъ возбуждать этихъ чувствъ, «которыми, какъ мологками, однѣ формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтобы создать другія, болѣе свободныя, на мѣсто тѣсныхъ»... А вы знаете, что будетъ послѣ разрушенія, которое произведете? Развѣ вы владѣете силами, которыя творятъ жизнь развѣ-вы управляете ими и можете ихъ направить такъ, чтобы жизнь устроилась по вашей мысли, по вашему желанію? Да и какъ однако вы представляете себѣ эту будущую жизнь, какъ желали-бы устроить ее? Пока мы, слышимъ одно, разбить существующія формы жизни, чтобы создать другія, „болѣе свободныя.“ Программа слишкомъ неопредѣленная! Болѣе свободныя?!. Для кого, однако, нужны эти болѣе свободныя формы? Ради кого нужно произвести эту жестокою ломку, которая зальетъ весь міръ кровью и для которой хстятъ пустить въ ходъ такіе рычаги, «которыми можно разрушить все на землѣ». Не ради-ли того, кто хочетъ жить, какъ свинья, по выраженію самого Горькаго, не ради-ли этой скверной груды костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой, которой двигаетъ не духъ, а похоти, по художественному изображенію Горькаго современныхъ намъ людей?.. Нѣтъ. не свобода, а ярмо нужно для скотовъ, чтобы сдерживать проявленіе ихъ скотскихъ и звѣрскихъ чувствъ; да и для человѣка, пока онъ не достигъ еще совершеннѣтія, пока онъ находится еще въ томъ дѣтскомъ, или ребяческомъ, состояніи, какъ теперь, когда въ немъ довольно еще и скотскаго и звѣрскаго, когда онъ еще не въ силахъ различить, что добродѣтель, что порокъ, правой руки отъ лѣвой, нужна не свобода, а законъ который воспиталъ-бы его, приготовилъ къ свободному воспріятію дома, составляющаго необходимое требованіе его человѣческой природы, природы существа разумнаго и чувствующаго. Въ чемъ же этотъ долгъ?

Чтобы отвѣтить на вопросъ, въ чемъ нашъ долгъ, какому дѣлу мы должны отдаться,—предать себя, другъ друга и всю жизнь нашу,—я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ произведенія человѣка, о которомъ я говорилъ уже на страницахъ «Асхабада», изъ произведенія, хотя и напечатаннаго но оно не можетъ найти себѣ слушателей, не можетъ найти читателей, такъ какъ публика, для которой существуетъ вся наша литература, вся наша печать, странная публика. Горькій въ своемъ рассказѣ — „О писателѣ, который зазнался“ »— справедливо сказала объ этой публикѣ: «въ трубы трубятъ. не слышатъ; дудочка играетъ—радуются». Произведеніе, изъ котораго я дѣлаю выписки, носитъ заглавіе: «Вопросъ о братствѣ и причинахъ небратскаго состоянія міра»; а вмѣстѣ съ